

Е. Е. Дмитриева

Вариации на тему
«Мертвых душ»
в славянской и
западноевропейской
литературе

Незаконченность второго тома «Мертвых душ», обещания автора представить когда-либо на суд публики и третий том¹, а также циркулировавшие после смерти Гоголя и не перестающие по сей день появляться слухи и домыслы о том, что второй том поэмы все же сохранился², породили многочисленные попытки дописать поэму. Среди них были и прямые мистификации, и гипотетические версии окончания поэмы, и стилизации.

Собственно, автором самой первой версии «продолжения» второго тома, появившейся еще при жизни Гоголя, можно считать архимандрита Феодора (А. М. Бухарева), предложившего в 1848 г. самому автору версию возможного продолжения поэмы. Ее узловыми моментами должны были стать: раскрытие в губернском городе «дела о мертвых душах <...> с значением, пожалуй, не просто уголовного но и государственного преступления»; изобличение Чичикова и его последующее прозрение как отправная точка воскрешения к новой жизни («...и он понесет такое страдание, которое может пасть только на его пробужденную натуру <...> И кто знает будущее? Кто может положить предел творческой вседержавной Любви, если она не напрасно соблюла и в душе Павла Ивановича некоторые возможности к ее оживлению..?»)³. В этом оживлении души Чичикова Бухарев отводил важную роль (в соответствии с тем, что было «предначертано» Гоголем в первом томе) «чудной русской девице», способной ответить на «небывалое страдание» «неслыханным, необыкновенным состраданием» и «готовую понести с ним вместе всю эту невыносимую тяжесть», а с другой стороны, также и «главной духовной пружине» Чичикова, его «житейской

положительности» («...надо, чтобы душе его открылась возможность высшего, разумного, высоко-христианского и в житейском хозяйстве, чтобы <...> увидел он у себя и честные к такому хозяйству средства...»)⁴.

Преображение Чичикова должно было повлечь за собой, по мысли Бухарева, также и череду чудесных «оживлений» и прочих героев первого тома: «...подвигнется он взять на себя вину гибнущего Плюшкина, и сумеет исторгнуть из его души живые звуки, скажет сраженной скорбью Коробочке доброе и живительное слово, как, в самых хлопотах бережливого ее хозяйства, вести для себя и своих крестьян еще иное лучшее хозяйство, и поникшего Собакевича поднимет к доступному его душе русскому православному здравомыслию <...> и присмирившему Ноздреву укажет достойное поприще его удали <...> и всё городское общество подвигнет к лучшему»⁵.

Письма Бухарева и, соответственно, его версия возможного продолжения «Мертвых душ» стали известны читателю лишь в 1860 г. За это время в литературе появились «дописывания» второго тома несколько иного рода, среди которых мы находим и прямые мистификации. Именно так можно охарактеризовать первый перевод на английский язык «Мертвых душ», опубликованный в 1854 г. без указания имени Гоголя под общим заглавием «Домашняя жизнь в России, сочинение русского дворянина, исправленное редактором “Открытий Сибири”». В предисловии от издателя читателю сообщалась фантазийная версия происхождения текста: «Произведение написано русским дворянином, предложившим издателям рукопись на английском языке; задача редактора сводилась к исправлению словесных ошибок, которые вполне естественны для того, кто пишет на чужом языке»⁶. Причина же сокрытия имени автора объяснялась его опасением, что в России труд его сможет послужить разве что «рекомендательным письмом в сибирские дебри»⁷. По сравнению с оригинальным текстом Гоголя перевод этот имел дополненную издателем-переводчиком (им был профессор философии Варшавского университета Лах-Ширма⁸) концовку: в финале комиссар полиции останавливал выезжавшего из города Чичикова, вручал ему некий документ, при чтении которого тот становился бледным как смерть, и пересаживал его в мрачную повозку, которая называлась «Сибирской кибиткой»⁹.

Три года спустя после появления данного анонимного перевода-мистификации в Киеве вышла книга «Мертвые души. Окончание поэмы Н. В. Гоголя Похождения Чичикова» (1857), изданная украинским актером, антрепренером, драматургом А. Е. Ващенко-Захарченко (1815 –?), который уже до того инсценировал, в частности, «Вечера на хуторе близ Диканьки»¹⁰. Используя известный литературный прием, особенно вошедший в моду со времен Вальтера Скотта, Ващенко-Захарченко в предисловии представлялся другом Павла Ивановича Чичикова, на которого гоголевский герой возложил миссию завершения поэмы, пообещав содействовать ему своими рассказами.

Книга, обильно насыщенная цитатами и реминисценциями из первого и второго томов поэмы, а также из повести «Нос» и других произведений

Гоголя, начиналась с того момента, на котором обрывалась сохранившаяся рукопись второго тома: Чичиков освобожден из острога и продолжал объезжать помещиков (как это было и у Гоголя), впрочем, носивших уже иные имена (Брухин, Медяников, Скреборабов, Плевакин, Распузин и др.), хотя и напомилавших известных гоголевских героев (одна из потенциальных невест Чичикова – Неонила Тюлепнева, «засидевшаяся дева, мечтающая о замужестве», представала, например, как «некоторое подобие “дубинноголовой” Коробочки»¹¹).

Ващенко-Захарченко слегка подправил и телеологию чичиковских путешествий. «Предлог поездки» нового Чичикова «по географическому пространству» России – не только «посетить родственников генерала Бетрищева», но и «увидеть треволнения света, взглянуть на отечественные фабрики и мануфактуры»¹². Поворот же в сюжете намечался ближе к середине книги, когда Чичиков, продав часть мертвых душ и получив «небольшой капиталец», женился на дочери городничего Машеньке. Однако дальнейшее счастливое «приращенье» семейства, появление «двенадцати штук канальчиков», похожих на Чичикова, превращение Машеньки в толстую Марью Платоновну приводило Чичикова в конце жизни к осознанию, что истинной его *жизнью* была лишь та, когда он общался с Бетрищевым, Маниловым, Плюшкиным, Собакевичем, Ноздревым, Настасией Петровной, «моей дорогой Коробочкой», а истинными детьми – те мертвые души, которые он так неосторожно «потревожил <...> в сырых могилах»¹³.

Собственно в этих трех первых «дописываниях» «Мертвых душ» вольно или невольно была задана та парадигма продолжения поэмы, что с некоторыми вариациями и в различных комбинациях воспроизводилась и в дальнейшем. Основными ее компонентами становятся: *наказание* Чичикова за мошенничество с последующим его перемещением в Сибирь; *преображение* Чичикова (как и других героев поэмы) как следствие понесенного им(и) наказания; домысливание того, *кем могли бы стать Чичиков и другие герои поэмы применительно к иным временам и иным обстоятельствам*.

Особое место среди последующих стилизаций на тему «Мертвых душ» занял эпизод с «Новыми отрывками и вариантами» гоголевской поэмы, присланными бывшим директором училищ Могилевской губернии М. М. Богоявленским в 1872 г. в редакцию журнала «Русская старина» и тогда же опубликованными¹⁴. Согласно редакционной «легенде», присланные материалы были получены Богоявленским от своего сослуживца Н. Ф. Ястржембского, которому, в свою очередь, их подарил в 1840-е годы Н. Я. Прокопович¹⁵. В предуведомлении к публикации сообщалось и об отличиях новонайденных отрывков от текста Гоголя: в частности, о появлении «совершенно новых эпизодов» в рассказе о службе Тентетникова, его столкновении с начальником отделения Леницыным, последующем аресте Тентетникова, рассказе дяди Тентетникова, действительного статского советника; о графе Сидоре Андреевиче, о сватовстве Чичикова у генерала Бетрищева его дочери Улиньки за Тентетникова и проч.

Первоначально критики не усомнились в том, что вновь опубликованные материалы могли принадлежать перу Гоголя. «Прежнего Гоголя, Гоголя первой части *Мертвых душ*» увидел в них анонимный рецензент «Русского вестника»¹⁶. Не усомнился в принадлежности отрывков перу Гоголя и В. П. Чижов, назвав их «нежданном открытием», проливающим свет на «внутреннюю жизнь и творчество» писателя в последний период его жизни, и даже определив их как редакцию более позднюю в отношении уже опубликованных, свидетельствующую об отходе позднего Гоголя от тенденциозности и изменении его умонастроения под влиянием известного письма Белинского¹⁷. С мнением Чижова солидаризировался и А. Н. Пыпин, говоривший о том, что «последние работы Гоголя над вторым томом уже отступали от направления “Переписки” в другую, лучшую сторону; ему объяснились хоть некоторые стороны нового образа мыслей, к которому он, вместе с петербургскими друзьями, относился прежде с таким высокомерием и враждой»¹⁸. Более того, в «Новых отрывках и вариантах» Пыпин усмотрел «третью редакцию» второго тома, «быть может, ту самую, о которой Гоголь в 1850 говорил М. А. Максимовичу, что “с нее туман сошел” ...»¹⁹

Далее, однако, события стали развиваться совершенно непредсказуемым образом. Несколько месяцев спустя после появления хвалебной статьи Чижова и почти год спустя после публикации новонайденных гоголевских текстов в «Русской старине» редакция этого журнала получила письмо от самого Ястржембского (датированное 31 октября 1872 г.), в котором он излагал совершенно иную версию событий, чем та, которая была представлена Богоявленским, недвусмысленно указав на неаутентичный характер опубликованных материалов («Отвечаю откровенно: варианты эти написаны мною, тринадцать лет тому назад; никогда не предназначались к печати и написаны по особому случаю <...> В 1859 г., проживая в Могилеве, я был коротко знаком с М. М. Богоявленским. В дружеских беседах мы с ним часто спорили о наших литературных знаменитостях. В одной из подобных бесед зашла речь о Гоголе. Оба мы, и М. М. (Богоявленский. – *Ред.*), и я, принадлежим к числу страстных поклонников Гоголя; но М. М. восторгался им безусловно, а я, признавая Гоголя великим писателем за первые его литературные произведения, и в особенности за 1-ю часть “Мертвых Душ”, негодовал за его “Переписку с друзьями” и за 2-ю часть “Мертвых Душ”. Помнится, что раз, в оживленном споре, я сказал, что нахожу 2-ю часть “Мертвых Душ” крайне неудачным продолжением первой. Я прибавил, что у меня есть переделка трех первых глав 2-й части, гораздо удачнее произведения Гоголя, и что М. М. не узнает, Гоголь ли это писал или кто другой. М. М. пожелал видеть эту переделку, и я обещал ему отыскать ее в хламе старых бумаг. У меня была рукопись 2-й части “Мертвых душ” в том виде, в каком впоследствии она напечатана; и я, недовольный этой 2-ю частью, переделал три первые главы ее и сообщил М. М. Он прочел и объявил, “что это не подделка под Гоголя, а сам Гоголь”. Я уверял его в противном; он стоял на своем и сказал, что я грешу тем, что, имея у себя такую драго-

ценность, не предаю ее печати. Я отвечал, что дорожа именем Гоголя, я не осмелюсь никогда выдать за гоголевское то, что принадлежит чьему-то досужему перу. – “Так подарите мне эту рукопись: я ее напечатаю”. – “Подарить не могу, а списать копию можете, но с условием: никогда не печатать”»²⁰.

Текст письма, ставший известным широкой общественности лишь в августе 1873 г. в новой редакционной статье «Русской старины», почувствовавшей себя виновной за подделку²¹, вызвал бурную дискуссию в прессе. Одним из ее участников стал Г. П. Данилевский, утверждавший, что, несмотря на заявление Ястржембского, опубликованные «Отрывки» написаны самим Гоголем, поскольку «лакуны» второго тома поэмы заполнены эпизодами, известными и по рассказам лиц, присутствовавших при авторских чтениях поэмы («анекдот о милостивых побранках графа Сидора Андреевича», «разговор Чичикова с Бетрищевым» о военном историке А. И. Михайловском-Данилевском и др.²²). Иначе факт сходства вставных эпизодов текста Ястржембского с воспоминаниями тех, кто присутствовал при чтении Гоголем глав второго тома, интерпретировали автор статьи, скрывавшийся за псевдонимом Д.²³, а также князь Д. А. Оболенский, который был лично знаком с Гоголем и слушал главы второго тома поэмы в его чтении²⁴. Последний в особенности указал на то, что Ястржембский мог слышать от Прокоповича или от кого-либо другого те отсутствующие в гоголевском тексте второго тома мотивы, которые он воспроизвел в своих вариантах, и воспользоваться при этом также и конъектурами Шевырева в списке, имевшем широкое хождение еще до того, как второй том был напечатан в 1855 г. в издании Трушковского²⁵. О подложном характере «Новых отрывков...» иронически высказались тогда же и авторы двух заметок, помещенных в газете-журнале «Гражданин», редактируемом Ф. М. Достоевским²⁶. Изменения, внесенные в гоголевский текст (пропуски, исключения, добавления), иронически были интерпретированы как забота Ястржембского, который находился под сильным влиянием известного письма Белинского, об «испорченной репутации» Гоголя, написавшего «Переписку с друзьями», а «в довершение беды несколько неполных глав II тома “Мертвых душ” в духе той же “Переписки”»²⁷. Со своей стороны, Ястржембский в это время тиражировал в прессе письма, где с каждым разом все более решительно признавал собственное авторство, хотя нередко при этом давал противоречивые объяснения мотивов и обстоятельств подделки. В частности, изменения, внесенные им в текст поэмы, он мотивировал так: «Я исключил из 2-й части “Мертвых Душ” похвальный гимн образцовому (sic) наставнику Тентетникова, унижавшему и оскорблявшему своих питомцев, с гнусною целью приучить их терпеливо и позорно переносить все унижения и оскорбления, какие могут им встретиться в жизни. У меня нет недоучившегося студента с зловредным либеральным направлением, которого Гоголь вывел на сцену, делая намек на Белинского, озлобившего его против себя известным зальцбургским письмом. Я заставил Тентетникова остановить крестьян, пришедших к нему с рабскими поклонами, и произнести речь (конечно, для них непонятную) о человеческом достоинстве,

о том, что он – такой же человек, как и они; что человек обязан уважать себя и не унижаться перед равным себе существом»²⁸.

Мистификация Ястржембского, в сущности, была единственной, вызвавшей споры и сомнения относительно авторства текста. Все последующие попытки «дописать» «Мертвые души» никого не обманывали, но, скорее, отражали стремление домыслить судьбу гоголевских героев, тайну которых «Гоголь унес в гроб»²⁹.

Судьбы гоголевских персонажей «после Гоголя» занимали в 1880-е годы М. Е. Салтыкова-Щедрина, охотно дописывавшего их истории³⁰. В сатире, известной под названием «Письма к тетеньке» (1881–1882), Щедрин касается вопросов, поставленных перед русским обществом политической действительностью, которая приобретала всё более консервативный характер. Так, автор «писем» встречает Ноздрева. Однако это уже «не тот буян Ноздрев, которого мы знавали в цветущую пору молодости, но солидный, хотя и прогоревший консерватор»³¹. От него «автор» узнает о судьбе и других гоголевских персонажей: «Увы! ряды стариков ужасно как поредели! Чичиков, Плюшкин, Петух, генерал Бетрищев, Костанжогло, отец и благодетель города полицеймейстер, прокурор, председатель гражданской палаты, дама просто приятная и дама приятная во всех отношениях – всё это примерло и свезено на кладбище. Остались в живых лишь немногие. Собакевич, который, по смерти Феодулии Ивановны, воспользовался ее именем и женился на Коробочке, с тем, чтоб и ее именем воспользоваться. Супруги Маниловы, которые живут теперь в Кобеляках, в ужаснейшей нищете, потому что Фемистоклюс промотал все имение и теперь сам служит в швейцарах в трактире Лопашова. Губернатор, который вышивал по канве и впоследствии блеснул было на минуту на горизонте, но чего-то не предусмотрел и был за это уволен. Теперь он живет в Риме, получая присвоенное содержание и ежегодно поднося папе римскому туфли своей собственной работы *de la part d'un homme d'état russe* (фр. 'от одного русского государственного деятеля'. – Е. Д.). И, наконец, Мижухев, который служит мировым судьей и ужасно страдает, потому что жена его (тетенька! представьте себе даму, которая на карточках пишет: рожденная Ноздрева!) открыто живет с чичиковским Петрушкой, состоящим при Мижухеве в качестве письмоводителя»³².

Самым жизнестойким среди героев поэмы оказывается, по версии Щедрина, именно Ноздрев. Это он, сделав «какой-то удивительно удачный донос», «обратил на себя внимание охранительной русской прессы», а затем «вдруг с ним совершился спасительный переворот! Теперь он пьет только померанцевку, говорит только трезвенные слова <...> И вдобавок, не дожидаясь, чтоб другие назвали его патриотом, сам себя называет таковым»³³.

В начале XX в. гипотетический финал истории Чичикова предложил в статье «Тайна Гоголя» известный беллетрист И. И. Ясинский³⁴. В основу его версии легли, с одной стороны, предание, слышанное им в молодости в Нежине, а с другой стороны, собственная концепция постепенного сращения Гоголя с Чичиковым: «По мере того, как Чичиков обдумывал новую

фазу своей эволюции и собирался в поход, запасаясь надлежащим вооружением – пиетизмом, мистицизмом и формальным благочестием, – Гоголь, еще не вполне сознавая, что задумано было Чичиковым, его созданием, его детищем, был увлекаем им все дальше и дальше...»³⁵ Ясинский утверждает, что в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь «играл раскаявшегося и приготавливающегося к новой и громадной победе над Россией Павла Ивановича Чичикова»³⁶. «Чем же другим мог кончить герой “Мертвых душ”? – задается вопросом автор и предлагает собственный финал поэмы, как будто по логике гоголевской мысли. – Если бы он кончил в тюрьме или в ничтожестве и неизвестности, выброшенный из недр русского общества, то какой смысл имели бы все его похождения и что такое были бы тогда “Мертвые души”?»³⁷

«Под влиянием благочестивой метаморфозы, совершившейся в нем», имеет место своего рода апофеоз Чичикова: он добивается полного восстановления своих прав, женится на губернаторской дочке. «Он намекает, что мог бы устроить русскую землю так, чтобы всем было хорошо и правительству выгодно. Он обладает секретом примирения старых и новых взглядов <...> О Чичикове проносится весть по всей русской империи. Нам ведь необходим всегда какой-нибудь пророк и глашатай»³⁸.

Неожиданным при этом оказывается финал приписанной Гоголю истории. «В молодости, – завершает свою “реконструкцию” Ясинский, – в Нежине автор этих строк слышал предание, что Чичиков должен был скончаться от несварения желудка, так как в его имение вздумал заехать и посетить его митрополит, и не доверяя поварам и кухаркам, сам Павел Иванович в течение двух дней постоянно бегал на кухню, наблюдал и, что называется, перепробовал до объядения разных солений и сладостей. Митрополит приехал, а Чичиков уже отдал Богу душу, и тогда была сказана удивительная по ораторскому искусству, необыкновенная, попавшая во все хрестоматии, речь над прахом Павла Ивановича русским святителем. Вот до какого почти кощунства хотел дойти Гоголь...»³⁹

Кощунственному апофеозу версии Ясинского противостоит погружение гоголевских персонажей в новую историческую действительность конца 1920-х годов в пьесе «Мертвые души, или Похождения Чичикова: Комедия в 3 д. 11 картинах» Сигизмунда Волка⁴⁰. Действие гоголевской поэмы здесь разворачивается в период НЭПа, а роль мертвых душ выполняют «заборные книжки», какие для спекуляции скупает Чичиков, представляющийся завхозом бытовой коммуны «Вперед заре навстречу». Правда, собственно чичиковская способность к мимикрии передается в пьесе Плюшкину, который предстает как «Мастер из Парижа, принимающий заказы на уничтожение крыс, вшей, блох и тараканов», он же – беспартийный пролетарский труженик, он же – управдом. В финале, однако, все гоголевские персонажи оказываются на скамье подсудимых – ибо «дрянь они людишки, ничтожества, мелочь, но вреда причинить могут много <...> Гоголевским типам не место в советской действительности»⁴¹.

Реальность первых послереволюционных лет отразилась в фантазиях на гоголевские темы М. А. Булгакова, напечатанных им под названием

«Похождения Чичикова: Поэма в 10-ти пунктах с прологом и эпилогом». По замыслу писателя, Чичиков скрывался с ассигнованными ему миллионами, Селифан разъезжал на автомобиле по Москве 20-х годов и врезался в зеркальную витрину магазина, реализуя тем самым гоголевское «Какой же русский не любит быстрой езды», а Тентетников заведовал «всеми Селифанами и Петрушками» и отправлял после катастрофы Селифана на биржу труда. Самосвистов же запутывал дело, замешанными в него оказывались «и сочувствующий Ротозей Емельян, и беспартийный Вор Антошка»⁴².

И уже в современную нам постперестроечную эпоху сюжет «Мертвых душ» был перенесен Ярославом Веровым (коллективный псевдоним донецких писателей Г. В. Гусакова и А. В. Христова) в роман «Господин Чичиков» (2005), где гоголевская идея покупки мертвых душ реализовалась не только реалистически, но и мистически: «бездушные» фантомы заняли ключевые посты в бизнесе, политике, системе государственного управления»⁴³. Критикой же роман о бессмертии предпринимательского духа был прочитан «как интертекстуальная игра с гоголевскими героями, как сатира на современный чиновничий мир и экспансию предпринимательства, как гротескно-пародийная параллель к гоголевской эпохе <...> А также и как мистическая притча о вечной охоте дьявола за человеческими душами»⁴⁴.

Вообще же на рубеже 1990-х – 2000-х годов интерес к возможности художественного достраивания-домысливания «Мертвых душ» явно обостряется не только в русской, но и в зарубежной литературе. К этому времени относится еще одна – после Ястржембского – попытка «восстановить» второй том «Мертвых душ» и дописать третий, предпринятая московско-тбилисским антропологом, биологом и художником Юрием Авакяном. Он поставил перед собой задачу «воссоздать текст второго тома “Мёртвых душ”, бережно сохраняя и стиль, и язык автора бессмертного произведения; максимально используя фрагменты оригинального текста <...> и опираясь, сколько возможно, на воспоминания друзей Николая Васильевича Гоголя»⁴⁵, при этом соблюдая и симметричное построение трилогии – по 11 глав в каждой части. Следует отдать должное автору: во втором томе он действительно сохранил весь дошедший до нас гоголевский текст, не позволив себе – в отличие от Ястржембского – вносить в него какие бы то ни было изменения. Обрывающиеся на полуслове вторую и четвертую главы он дописал в соответствии с реконструкцией содержания этих глав, предложенной С. П. Шевыревым еще в самом первом издании второго тома «Мертвых душ», а также использовал реплики и целые обороты из других сочинений Гоголя. В отсутствующих у Гоголя главах 5–10 оказались подробно прописаны линии Вишнепокромова, Леницына, Самосвистова – персонажей, которые, по воспоминаниям современников, слышавших чтение утраченных глав самим Гоголем, должны были занять важное место в продолжении поэмы. Но уже здесь наметилась у Авакяна и противоположная тенденция, лишь усилившаяся в томе третьем: перерастание «квазифилологической» реконструкции в беллетристику наряду с усилением авантюрно-романического и приключенческого начала. Мотив «умыкания невесты», задан-

ный у Гоголя в первом томе на уровне слухов, Авакян реализует в истории похищения невесты Самосвистовым, которому всячески помогает Чичиков (что призвано оправдать и ту помощь, которую арестованному Чичикову окажет в дальнейшем Самосвистов), а также в замысле самого Чичикова посвататься к Улиньке, что вынуждает его предать огласке былую неблагонамеренность Тентетникова и тем самым спровоцировать ссылку того в Сибирь.

Видимо, буквально понятое гоголевское «припряжем и подлеца» заставляет Авакяна сделать Чичикова автором еще и нескольких других откровенных подлостей (число их лишь нарастает в третьем томе), впрочем, компенсируя нравственную уязвимость героя его экономической гениальностью, оценить которую оказывается способен и новоиспеченный губернатор Леницын, решивший, что вся губерния должна участвовать в эксперименте с мертвыми душами. Смерть в финале третьего тома наступает Чичикова в тот момент, когда он, казалось бы, добивается и денег, и славы, и даже надежды на спокойную семейную жизнь с верной Надеждой Павловной Кусочкиной, поджидающей его в своем имении. Обещанное когда-то Гоголем духовное преображение Чичикова (вспомним свидетельство Бухарева: поэма должна была кончиться «первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни»⁴⁶) у Авакяна возможно лишь в весьма двусмысленном – пригрезившемся в горячечном бреде – беге героя за уносящейся тройкой небесных коней: «Догоню, – подумал он, бросаясь вослед за уносившейся тройкой, дабы продолжить бесконечный свой бег, – обязательно догоню!..»⁴⁷ И читателю остается только гадать: апофеоз ли то Чичикова (смерть, описанная как *вознесение* на колеснице-тройке), или же горестное видение умирающего. И несомненным остается лишь рождение у Надежды Павловны мальчика «в далёком и заснеженном Кусочкине под завывание ночного ветра и скрыпы вековых, выбеленных метелью, елей, окружавших усадьбу»⁴⁸.

Художественным контрапунктом опыту реконструкции «Мертвых душ» Ю. Авакяна стал написанный десятилетием позже роман Владимира Шарова «Возвращение в Египет: Роман в письмах» (2013), в основу его был положен замысел показать трагическую историю XX века как результат «недоговоренного, недосказанного откровения» гоголевской поэмы: «Гоголь замолчал на полуслове, оттого и пошли все беды <...> пока кто-то из нас не допишет поэмы, они не кончатся»⁴⁹. Ее продолжение как единственно возможный акт искупления возлагается героями романа, принадлежащими к потомкам Гоголя по боковой линии, на Николая Второго, который, проходя через все «казни египетские» (они же сталинские лагеря), обдумывает «синопсис» второго и третьего томов. В них Павел Иванович Чичиков, происходящий из семьи закоренелых староверов, скупает мертвые души, желая прописать их на Святой земле, и предстает тем самым уже не как плут, но как спаситель, мечтающий о построении земного Рая⁵⁰. Утопия Земли Обетованной, о которой мечтает Чичиков, поддерживается в романе Шарова еще и учением русского философа XIX в. Николая Федорова, призывавшего чело-

вечество самостоятельно исполнить замысел Творца – объединиться и построить рай на Земле, а для этого воскресить всех предков, вплоть до Адама, не дожидаясь Страшного суда⁵¹. Другим героем, занимающим важное место в замысле продолжения «Мертвых душ», оказывается Хлобуев – «тот самый, который расточает имение за имением, всё утекает между пальцами, но он много, искренне молится Богу, и Всевышний его не забывает»⁵².

Пожалуй, именно тема «Мертвых душ» как откровения России в ее прошлом, настоящем и будущем и есть то, что делает гоголевскую поэму смыслопорождающей для современной литературы. Когда-то Ильф и Петров в своей эпопее о «великом комбинаторе» («Двенадцать стульев», 1928; «Золотой теленок», 1931) использовали гоголевский сюжет как историю «талантливого авантюриста, чье путешествие по России дает повод показать всю страну»⁵³. Так и Дмитрий Быков соотносит с гоголевской поэмой свой роман «ЖД» (2006) и не только дает ему, по образцу Гоголя, жанровое обозначение «поэма», но и предлагает реминисцентно-полемическую расшифровку названия: «Живые души» – это попытка осмыслить прошлое страны и дать свой прогноз на будущее⁵⁴.

Тема омертвевшей России, душу которой еще предстоит спасти, присутствует также и в интеллектуальном детективе Николая Спасского «Проклятие Гоголя» («Россия мертва. Ее уже не спасти и не воскресить. Нужно спасти ее душу. И свою тоже»⁵⁵). Диалог на тему второго тома «Мертвых душ» и непосредственно последней его главы, где благочестивый Муразов наносит визит Чичикову, во многом определяет проблематику романа французского писателя Доминика Фернандеса «Дети Гоголя» (1971)⁵⁶. Спор, в котором желанию Чичикова погубить себя противостоит осуждение Муразовым этого желания, переходит незаметно в противопоставление двух Россией, а выбор между ними предстоит сделать героям романа. Главный герой Этьен, от чьего имени ведется повествование, – специалист по русскому языку и литературе, пишущий работу о Гоголе, разрывается между этими двумя Россиями: Россией Муразова и Белинского, с одной стороны, и Россией Чичикова и Гоголя – с другой; Россией «реализма Белинского» и Россией «гоголевского мистицизма», которая, в конечном счете, оказывается ему ближе⁵⁷.

Свой парадоксальный ответ на слухи о возможности обрести подлинно гоголевский второй том поэмы дает в своем сочинении «Pasternak: роман» (2003) Михаил Елизаров. Единственная книга, которую не устает перечитывать один из ее персонажей, таинственный отец Григорий, осуждающий художественную литературу как «корежащую» ортодоксальное православие, – это второй том «Мертвых душ», но «только не известная всем уцелевшая часть», а «полный вариант, погибший в огне»⁵⁸. На вопрос студента-филолога, вариант ли то уцелевшего гоголевского манускрипта или литературная подделка, «уникальная по своей значимости», священник уточняет, что «имеет в виду именно книжный пепел и великий подвиг писателя, отказавшегося от творчества, чтобы не грешить против истины»⁵⁹.

* * *

Можно еще долго, резюмируя все сказанное, рассуждать о том, что копия никогда не приблизится к оригиналу, а всякий ремейк уступает по своим художественным качествам произведению первоначальному. Все это, разумеется, тем более справедливо в отношении Гоголя и тех, кто нашел в себе силы и смелость оживить и дополнить его произведение. И надо ли говорить, что художественно оправданными и успешными оказываются тексты, авторы которых в наибольшей степени позволяют себе остраниться от первоисточника.

Однако и опыты вживания в гоголевский текст, которых, как мы видели, было немало, интересны и важны по-своему. Ведь именно они демонстрируют всю своеобычность гоголевских героев, чья «динамика слов, жестов, действий» никогда – говоря словами Ю. Н. Тынянова – у самого автора «не обведена <...> плотной массой»⁶⁰. Повторить эту его иллюзорную конкретность представляется задачей практически недостижимой. Но еще парадоксальнее, что данные тексты бросают свет и на тупик, в котором в конце жизни оказался Гоголь, не сумевший или не захотевший завершить самое дорогое для него творение. Обещанное им духовное просветление Чичикова, да и других персонажей, словно чуждается конкретности (на мотиве объезда помещиков «буксуют» почти все продолжения «Мертвых душ»). Отказ от перевода на язык «видимого», «осязаемого» – того, что может быть живо лишь в душе, – становится исходом для художника, лишь в книжном пепле обретающего истину. В этом, подобно герою романа Елизарова, убеждаются и читатели, следуя за поисками тех, кто пытался – с большим или меньшим успехом – выразить невыразимое.

Примечания

¹ О «нескольких томах» поэмы Гоголь сообщал друзьям, уже начиная с 1836 г. Так, в письме М. П. Погодину от 16 (28) ноября 1836 г. говорилось: «Вещь, над которой сижу и тружусь теперь и которую долго обдумывал, и которую долго еще буду обдумывать, не похожа ни на повесть, ни на роман, длинная, длинная, в несколько томов...» (XI, 77).

² См. об этом: *Манн Ю. В.* В поисках живой души: «Мертвые души»: Писатель – критика – читатель. М, 1987. С. 350; а также: *Хьетсо Г.* Что случилось со вторым томом «Мертвых душ» // Вопросы литературы. 1990. № 7. С. 128–139.

³ <*Архимандрит Феодор.*> Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1860. С. 134. См. также: Гоголь в русской критике. Антология / Сост. С. Г. Бочаров. М., 2008. С. 138–139.

⁴ Три письма к Н. В. Гоголю... С. 134–135, 139.

⁵ Там же. С. 135.

⁶ Home Life in Russia. By a Russian Noble. Revised by the Editor of “Revelations of Siberia”. In 2 vols. London: Hurst and Blackett, 1854. Vol. 1. P. I–II.

⁷ Ibid. P. III. О том, что «Домашняя жизнь в России» была на самом деле вольным переводом первого тома «Мертвых душ», читатели узнали из рецензии,

опубликованной в лондонском журнале «Атенеум» (The Athenaeum. London. 1854. № 1414. Dec. 2. P. 1454–1455). Еще раньше обман обнаружил А. И. Герцен, сообщавший М. К. Рейхель 14 (2) ноября 1854 г.: «“Мертвые души” вышли по-английски под заглавием: “Home life in Russia” и продаются по гинее» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1961. Т. 25. С. 210). В дальнейшем на перевод, воспринятый как мистификация, придуманная издателем, либо подлог переводчика, обманувшего издателя, отозвались российские журналы «Отечественные записки» и «Современник» (см.: *Мертвые души*, написанные не Гоголем, а неизвестным автором в Лондоне // Отечественные записки. 1855. Т. XCVIII. Январь. Отд. VII. «Смесь». С. 30–31; Английская переделка «Мертвых душ» Гоголя // Современник. 1855. Т. XLIX. № 1. Отд. V. «Иностранные известия». С. 95–96).

⁸ *Cadot Michel*. La Russie dans la vie intellectuelle francaise, 1839–1856. Paris, 1938. P. 426.

⁹ См. также: *Набоков В.* Николай Гоголь // Он же. Лекции по русской литературе. М., 1999. С. 72–73.

¹⁰ См. подробнее: *Самойленко Г. В.* Нежинский список второго тома «Мертвых душ» Н. Гоголя. Нежин, 2012. С. 25.

¹¹ *Измайлов-Смоленский А. А.* Загадки и тайны Гоголя (К столетию дня его рождения) // Нива. 1909. № 11. С. 210.

¹² *Ващенко-Захарченко А. Е.* Мертвые души. Окончание поэмы Н. В. Гоголя Похождения Чичикова. Киев, 1857. С. 8.

¹³ Там же. С. 321, 344, 347. Об откликах на книгу см.: *Измайлов А.* Эпиплоги к «Ревизору и «Мертвым душам» Н. В. Гоголя // Ежемесячные сочинения. 1902. № 3. С. 326–327; *Дмитриева Е. Е.* К истории продолжения «Мертвых душ» (проза А. Е. Ващенко-Захарченко) // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 3. М., 2012. С. 209–220.

¹⁴ Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. В. Гоголя. Новые отрывки и варьанты / Сообщ. М. М. Богоявленский // Русская старина. 1872. Т. V. № 1. Январь. С. 85–117.

¹⁵ Ср.: «Представляемые нами отрывки составляют частью варьанты, частью дополнения тех списков первых глав второго тома “Мертвых душ”, которые до сих пор найдены и изданы. Отрывки эти сохранились в рукописи, принадлежавшей другу и товарищу Гоголя по воспитанию в Нежинском лицее, Николаю Яковлевичу Прокоповичу (ум. в 1857 г.). Рукопись (в 4-ю долю) подарена была Прокоповичем на память его сослуживцу по преподаванию в I-м кадетском корпусе полковнику Н. Ф. Я-му. Полковник, живя впоследствии в губернском городе Могилеве, познакомился с директором училищ Могилевской губернии – Михаилом Максимовичем Богоявленским и, по его просьбе, охотно позволил снять точную копию с своего манускрипта. Эту копию М. М. Богоявленский, – ныне директор С.-Петербургского коммерческого училища, – весьма обязательно предоставил нам напечатать на страницах “Русской Старины”» (Там же. С. 88).

¹⁶ Новые отрывки из *Мертвых душ* и воспоминания о Гоголе // Русский вестник. 1872. Т. 97. Январь. «Смесь». С. 410.

¹⁷ Там же. С. 432, 444–447. См. об этом: *Масанов Ю. И.* Неизвестные отрывки из «Мертвых душ» // Он же. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963. С. 188–189.

¹⁸ *Пыпин А. Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов // Вестник Европы. 1873. № 4. С. 547.

¹⁹ Там же. С. 546–547. О реакции Пыпина см. подробнее: *Виноградов В. В.* История одной литературной подделки // *Русская литература.* 1958. № 3. С. 107–108.

²⁰ *Ред.* Подделка под Гоголя (Литературный курьез) // *Русская старина.* 1873. Т. VIII. № 8. Август. С. 245 (за подписью *Ред.* скрывались М. и В. Семеовские. – *Е. Д.*).

²¹ Там же.

²² *Данилевский Г.* Письмо в редакцию (По поводу новых отрывков из второго тома «Мертвых Душ» Гоголя) // *Санкт-Петербургские ведомости.* 1873. 2 августа. № 210. С. 2.

²³ *Д.* Подделка Гоголя: Заметка // *Вестник Европы.* 1873. № 8. С. 835–837; *Д.* Подделка Гоголя: Заметка вторая (и последняя) // Там же. № 9. С. 449–456. О возможном авторе заметок см.: *Виноградов В. В.* История одной литературной подделки. С. 112.

²⁴ Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 681.

²⁵ Ср.: «Бывший в руках г. Ястржембского экземпляр, очевидно, был тот самый первоначальный список, который издан в 1855 г. На нем, действительно, после 2-й главы написано было карандашом (в скобках): “Здесь пропущено примирение генерала Бетрищева с Тентетниковым; обед у генерала и беседа их о 12-м годе; помолвка Улиньки за Тентетникова...” <...> Г. Ястржембскому легко было воспользоваться этой темой, чтобы позабавиться подражанием Гоголю...» (*Оболенский Д.* О первом издании посмертных сочинений Гоголя: Воспоминания кн. Д. Оболенского // *Русская старина.* 1873. Т. VIII. № 12. С. 941, 952).

²⁶ Из текущей жизни // *Гражданин.* 1873. № 34. С. 934–936; Неоцененное побуждение // *Гражданин.* 1873. № 45. С. 1207–1210. В. В. Виноградов предположил, что эти статьи написаны при участии Достоевского (*Виноградов В. В.* История одной литературной подделки. С. 118–125; оспорено: *Туниманов В. А.* Об анонимном фельетонном наследии Ф. М. Достоевского в годы редактирования «Гражданина» // *Русская литература.* 1981. № 2. С. 169–174). За указание на данный источник приношу благодарность Н. Л. Виноградской.

²⁷ Неоцененное побуждение. С. 1208.

²⁸ *Ястржембский Н.* К вопросу о подделке «Мертвых душ» Гоголя // *Голос.* 1873. 24 августа. № 233. С. 4. Кроме того, см.: Он же. Ответы «Вестнику Европы» // *Голос.* 1873. 17 сентября. № 257. С. 2; Он же. Изложение дела о варьянтах «Мертвых душ», напечатанных в январской книжке «Русской старины» за 1872 год // *Голос.* 1873. 8 октября. № 278. С. 2; Он же. Литературные курьезы // *Санкт-Петербургские ведомости.* 1873. 20 июня. № 167. С. 1.

²⁹ *Измайлов-Смоленский А. А.* Загадки и тайны Гоголя. С. 211.

³⁰ Ср. высказывание И. Анненского: «Не кто другой, как Салтыков, открыл нам и всё проклятье, которое прикрывалось гоголевской гармонизированной жизнью. Именно он-то и населил гоголевскую Русь трагедиями. Фемистоклюс состарился в Порфирия Головлева» (*Анненский И.* Эстетика «Мертвых душ» и ее наследье // Он же. Книги отражений. М., 1979. С. 231).

³¹ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1972. Т. 14. С. 327.

³² Там же. С. 328.

³³ Там же. С. 327. С «Письмами к тетеньке» перекликается и сделанная Щедриным в письме к А. С. Суворину от 4 февраля (23 января) 1876 г. из Ниццы зарисовка (речь идет о публикуемых Сувориным в «Биржевых ведомостях» за январь 1876 г. «Недельных очерках и картинках», в которых давались резкие характеристики ряда современников): «Если будете продолжать характеристики писателей, то имейте в виду следующее: *Краевский Андрей.* В 1841 году, когда заблудившийся

Чичиков ночевал у Коробочки, последняя в ту же ночь понесла, а через девять месяцев родила сына, которого назвали Андреем и который впоследствии соединил лукавство Чичикова с экономической бестолковостью Коробочки» (*Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. М., 1976. Т. 18. Кн. 2. С. 251*).

³⁴ <Ясинский И.> Тайна Гоголя // Ежемесячные сочинения. 1902. № 3. С. 328–346.

³⁵ Там же. С. 338.

³⁶ Там же. С. 338–339.

³⁷ Там же. С. 343.

³⁸ Там же. С. 344.

³⁹ Там же. С. 344. Ср. суждение о подобном финале другого критика: «Думается, именно так, переводя строгий реализм в чудовищный, демонический шарж, сменяя благодушный юмор сатанинским хохотом над пошлостью и ничтожеством человечества, – мог и должен был кончить Гоголь первого периода <...> Так не кончил бы Гоголь второй половины, – Гоголь, смятый пиетизмом, потрясенный, трепещущий греха и кающийся за прошлые “клеветы” на русского человека» (*Измайлов-Смоленский А. А. Загадки и тайны Гоголя. С. 211*).

⁴⁰ Машинописный список инсценировки хранится в Отделе рукописей и редкой книги Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки (ОРИПК СПбГТБ, шифр: I Лар.; дата написания отсутствует).

⁴¹ Там же. Л. 56. См. также: *Дмитриева Е. Е. «Мертвые души инсценировать нельзя»*. О проблеме инсценировок «Мертвых душ» // Феномен Гоголя. Мат-лы Юбилейной междунар. науч. конф., посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. / Под ред. М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова. СПб., 2011. С. 601–619.

⁴² *Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 2004. Т. 1. С. 171–172*; см. также: *Натова Н.* Михаил Булгаков и Гоголь: Опыт сопоставительного анализа // Записки русской академической группы в США (N.Y.). 1984. Т. XVII. С. 100–109.

⁴³ *Невярович Н. Ю.* Рецепция гоголевского гротеска в современной прозе // Русистика: Сб. науч. тр. Вып. 8. Киев, 2008. С. 87–88.

⁴⁴ Там же. См. также: *Володихин Д.* Ярослав Веров. Господин Чичиков // Знамя. 2006. № 11. С. 224.

⁴⁵ «Мертвые души: Поэма. Том второй, написанный Николаем Васильевичем Гоголем, им же сожженный, вновь воссозданный Юрием Арамовичем Авакяном и включающий полный текст глав, счастливо избежавших пламени» (М., 1994). Том III с предисловием вдовы писателя выложен в Интернет: Мертвые души: Поэма. Том третий. – [Электрон. изд.] <http://litresp.ru/kniga/ru/%D0%90/avakyan-yurij-aramovich/mertvie-dushi-tom-3> (дата посещения 14.10.2016).

⁴⁶ Три письма к Н. В. Гоголю... С. 138–139.

⁴⁷ Мертвые души: Поэма. Том третий. – [Электрон. изд.] ...

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Шаров Владимир.* Возвращение в Египет: Роман в письмах. М., 2013. С. 76.

⁵⁰ Там же. С. 212–215, 309. О развитии у Шарова темы староверов-бегунов, едва намеченной в сохранившихся главах второго тома, – см.: *Дмитриева Е.* Сибирь, земля обетованная: от «Мертвых душ» Н. Гоголя к «Возвращению в Египет» В. Шарова (европейский и библейский контексты) // Сибирско-французский диалог и литературное освоение Сибири XVII–XX веков: Мат-лы междунар. науч. семинара. М., 2016. С. 86–105.

⁵¹ *Шаров Владимир.* Возвращение в Египет. С. 562, 641–643.

⁵² Там же. С. 86–87.

⁵³ *Лурье Я. С.* В краю непуганых идиотов: Книга об Ильфе и Петрове. СПб., 2005. С. 116.

⁵⁴ *Невярович Н. Ю.* Цит. соч. С. 90.

⁵⁵ *Спасский Н.* Проклятие Гоголя. М., 2007. С. 36.

⁵⁶ *Fernandez D.* Les Enfants de Gogol: Roman. Paris, 1971.

⁵⁷ Подробнее об этом: *Грев Клод де.* Н. В. Гоголь во Франции (1838–2009). М.; Новосибирск, 2014. С. 377–381.

⁵⁸ *Елизаров М.* Pasternak: роман. М., 2003. С. 180–181.

⁵⁹ Там же. С. 181.

⁶⁰ *Тынянов Ю. Н.* Иллюстрации // Он же. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 316.